

УДК 76.01; 930.2
ББК 85.103(2)6; 63.2; 63.3(2)45
DOI 10.18688/aa2313-9-60

Д. О. Цыпкин, Е. С. Симонова

Появление категории *стиля* в сознании древнерусских книжных мастеров¹

Эта заметка носит характер обобщения и уточнения некоторых наблюдений, высказанных ранее. Мы вновь обращаемся к «Азбуке фряской» 1604 г. (СПБИН РАН в ф. 115, оп. 1, № 160), о которой уже многократно писали. Не будет преувеличением утверждение, что рукопись СПБИН РАН подводит итог развития традиции оформления рукописной книги и профессионального рукописного письма в Московском царстве в XVI в. Настоящая публикация завершает серию статей, посвященных этой книге [26; 27; 28; 32]. Почти десять лет один из авторов систематически занимается изучением памятника². Не удивительно, что некоторые взгляды, высказанные в ранних работах, сегодня устарели. Подробно останавливаться на всех изменениях нет смысла, так как сейчас завершается подготовка монографического издания Азбуки, в котором будет представлена её подробная характеристика. Здесь же позволим себе ограничиться самым схематичным описанием современного видения структуры рукописи (отличного от наших первоначальных представлений [26, с. 801–806; 32, с. 910–912]), что, однако, приводит к новому осмыслению «Азбуки фряской» в качестве ключевого источника для изучения культуры древнерусского книгописания раннего Нового Времени³.

Основной материал рукописи СПБИН РАН ф. 115, № 160 сгруппирован в два больших комплекса: первый — л. 2–121; второй — л. 122–140 с дополнением л. 141–157. Эти части выделены в книге титульными страницами с большими (занимающими все пространство) орнаментальными заставками-рамками. На л. 2об. титульная заставка-рамка старопечатного стиля с расположенным внутри текстом, исполненным вязью (того же стиля, что и примеры на л. 130–140об.): «азъ Адамъ первый человѣкъ на земли». На л. 123об. — титульная заставка-рамка, выполненная в «арабесковом» стиле (по определению Г.В. Маркелова), с красочной лигатурой «Б[о]гъ» неовизантийского стиля внутри и маленьким изображением двуглавого орла в орнаменте (Илл. 154). Обе заставки других аналогов в Азбуке не имеют.

Первый комплекс — *первая часть* рукописи, при условии, что она рассматривается отдельно, — с полным правом могла бы быть определена как *книгописный подлинник*⁴. За исключением л. 62–93 и 96, изначально относящихся к другой части [32, с. 910–911],

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда: грант №22-18-00615. Проект осуществляется на базе ФГБУ «Российская национальная библиотека».

² Начиная с 2015 г. [11].

³ Важную роль в понимании структуры рукописи играет анализ распределения бумаги в ней, выполненный совместно с Е.А. Ляховицким [32, с. 910–911].

⁴ В свое время такое определение предлагалось исследователями для всего нашего памятника [26, с. 801].

это свод образцов для выполнения текста и орнаментики книги. Данный комплекс так же мог бы быть назван и «азбукой фрязской», поскольку старопечатный стиль присутствует в нем и в начале (заставка-рамка на л. 2об., большие художественные инициалы на л. 3–22), и в конце (образцы орнаментальных украшений книги на л. 104–121), а кроме того на л. 23об., 35об. 103об., где помещены изображения декоративных деревьев.

Внутри первой части выделяется четыре своеобразных раздела.

- Большие художественные инициалы старопечатного стиля (в алфавитном порядке) — л. 3–22.
- Большие художественные красочные инициалы неовизантийского стиля (в алфавитном порядке) — л. 24–34.
- Инициалы, буквы, алфавиты книжного письма, вязные заглавия книг и их разделов — л. 36–102 (без учета л. 62–93, 96).
- Образцы книжной орнаментики старопечатного стиля (заставки, концовка, маргинальные цветки) — л. 104–121.

Разделы отделяются друг от друга, точнее, обозначаются, изображениями декоративных деревьев, помещёнными на отдельных листах — л. 23об., л. 35об., л. 103об. Сама первая часть рукописи также завершается двумя изображениями декоративных деревьев старопечатного стиля, одно из которых (л. 121), очевидно, выполняет функцию сигнала конца структурной составляющей памятника. Важно, что все эти «сигнальные» декоративные элементы (включая л. 121) расположены на подклеенных листах («инородных» по отношению к тем тетрадам с которыми они объединены). Особенно ярко это видно в случае л. 23, помещённого на месте вырезанного листа, фактически в середине тетради (л. 18–26), одна часть которой относится к первому разделу (до л. 22 включительно), а другая уже ко второму (начинающемуся с л. 24)⁵.

Структура первой части не сводится только к системе разделов. Последние два из них сами состоят из нескольких выраженных составляющих. Так третий раздел включает в себя своеобразные подразделы, отделенные друг от друга чистым листом (л. 58).

- Орнаментированные «киноварные» (по определению Г.В. Маркелова) инициалы — л. 36–57.
- Буквы, алфавиты книжного письма, образцы вязных текстов — л. 59–102 (без учета л. 62–93, 96).

При этом в подразделах наблюдается ещё более мелкое деление. «Киноварные» орнаментированные инициалы состоят из двух составляющих:

- закрашенные чернилами инициалы (в алфавитном порядке) — л. 36–55об.;
- контурные инициалы (в алфавитном порядке) — л. 56–57.

В свою очередь, следующий подраздел делится на:

- буквы «заголовочные» крупные — л. 59;
- буквы «заголовочные» малые — л. 60–61об.;
- алфавиты книжного письма (с примером текста) — л. 94–95об.⁶;
- образцы выполненных вязью (представляющей «каллиграфический стиль Грозного» по терминологии В.Н. Щепкина [37, с. 72–73, таб. XLIII; 38, с. 46–47]) заголовков книг, используемых для богослужения, и их частей — л. 97–102об.

⁵ За исключением л. 23 тетрадь целая (у л. 20 утрачен парный полулист).

⁶ Нельзя исключать того, что л. 94 и 95 первоначально могли располагаться в обратном порядке, составляя единое целое с неполной тетрадью л. 97–102 (с которой их связывает общность бумаги).

Структурные составляющие подразделов могут завершаться знаком: ; с последующим незаполненным остатком страницы (л. 55об.; л. 59, л. 61об.), либо целой чистой страницей (л. 59об.) или просто оставленным незаполненным её остатком (л. 95об.).

Выделение в рукописи системы своеобразных подразделов, очевидно, отражает представления книгописца-профессионала о типологии элементов книги. Так в последнем подразделе (л. 59–102об.) сгруппированы средства исполнения непосредственно *текста*, включая вязь, но исключая инициалы. В связи с этим необходимо отдельно остановиться на различии между инициалами (л. 36–57) и буквицами (л. 59–61об.). Отличие заключается не только в очевидной разнице размеров: инициалов умещается по 3 строки на странице, а крупных «заголовочных» буквиц — 4 строки (а малых — 8). Гораздо важнее то, что в алфавитах буквиц присутствуют образцы выносных букв, которых нет в алфавитах инициалов. Это обстоятельство указывает на то, что алфавиты буквиц, в отличие от инициалов, рассчитаны на возможность исполнения целостных текстов, например, заголовков. Каждый такой алфавит, с некоторой долей условности, может быть назван *шрифтом* (так же, как и алфавиты *книжного письма*, расположенные рядом⁷). В свою очередь инициалы, по определению не используемые для составления из них текстов, сгруппированы в самостоятельный подраздел.

Что касается четвертого раздела, то и здесь выделяются подразделы.

- Образцы заставок старопечатного стиля (сгруппированные по размерам и художественным особенностям), завершающиеся концовкой того же стиля — л. 104–114.
- Образцы цветков (жезлов) старопечатного стиля (выстроенные по размерам), завершающихся изображением декоративного дерева — л. 115–120.

Однако граница между подразделами обозначена только с помощью чистой страницы (л. 114об.) и оформления завершения первого из них концовкой (л. 114)⁸. Такой способ разделения более соответствует структурным составляющим одного подраздела, чем самостоятельным подразделам.

Завершая представление структуры первой части рукописи СПбИИ РАН ф. 115, № 160, ещё раз подчеркнём, что вся она посвящена средствам исполнения текстов кодексов и книжной орнаментике. Будучи структурно сложной, она в своей многоуровневости сохраняет строгую логику, организующую весь материал в единую систему: от больших художественных инициалов двух стилей к меньшим; затем к буквицам (от крупных к малым) и «шрифтам» основного текста, далее от «каталога» всех возможных вариантов книжных литер к вязным заголовочным текстам; в завершении помещён «небуквенный» материал — орнаментальные заставки и цветки.

Второй комплекс материалов — вторая часть памятника, — как и в случае первой части, открывается титульной орнаментальной заставкой-рамкой «арабескового» стиля (л. 123об.). Внутри заставки помещена красочная лигатура «Б[о]гъ» неовизантийского стиля. На уровне орнаментальной рамки «тительность» заставки подчёркивается и включением в её рисунок изображения двуглавого орла (Илл. 154).

⁷ Принципиальное различие между этими «шрифтами» состоит в технике исполнения — буквицы выполнены с помощью рисования, тогда как *книжное письмо* предполагает письменную технику исполнения [27, с. 28, 21, 32].

⁸ В одной тетради (л. 113–120) совмещается материал двух *подразделов*. Тетрадь целая (л. 121 с изображением декоративного дерева подклеена к ней).

Что касается структуры этой части, то она не так очевидна, как у первой, но в целом её элементы выделяются достаточно уверенно. Их можно определить следующим образом.

- Образцы заставок:
  - «травного арабескового стиля», предваряемые большой треугольной «заглавной» заставкой (в конце контурные) — л. 124–127об.;
  - неовизантийского стиля (контурные) — л. 128–128об.⁹.
- Скоропись и «некнижная» вязь.
- Азбука скорописная с образцами специфической вязи:
  - азбука скорописная с монокондильными композициями (сейчас находится в первой части памятника — л. 62–93 и 96)¹⁰;
  - образцы заголовков книг, их разделов и т.д., выполненные специфической («некнижной») вязью — л. 130–134об.
- Образцы вписанных в круги надписей, выполненных вязью того же типа, что и предшествующие им заголовки и указывающие на принадлежность различных предметов Н.Г. Строганову — л. 135–140об.

В самом конце *второй части* помещена писцовая запись: «Писал многогрѣшныи раб Федор Сергѣевъ с[ы]нъ Басова» (л. 140об.).

Если первая часть рукописи СПбИИ РАН ф. 115, № 160 — это *книгописный подлинник*, то её вторую часть охарактеризовать подобным образом сложно. Непосредственно с книгой в ней связаны только образцы заставок (л. 124–128об.), притом, что ни азбука скорописи, ни надписи на предметах (л. 135–140об.), таких как ковш, братина, кубок, ендова и т.п. отношения к книге не имеют, да и примеры вязи заголовков (л. 130–134об.) представляют её «некнижную» форму. Говоря современным языком, здесь мы имеем дело со шрифтовым дизайном в широком смысле. Вторая часть дополняет первую до «универсального» каллиграфического пособия, превращая её в *каллиграфический подлинник*. Такое дополнение, точнее, расширение материала первой части в другие функциональные и стилистические области, очевидно, и явилось основным смыслом создания второй части.

Первая и вторая части нашего памятника целостны и по сути своей автономны. Они различаются спецификой содержания, характером организации материала, бумагой. Представляется возможным допустить, что первоначально эти части существовали в форме двух отдельных комплексов тетрадей не имевших общего переплета. Как справедливо отметил Г.В. Маркелов, современный переплет рукописи гораздо более поздний [14, с. 685]¹¹. Кроме того, мы знаем, что в Описи книг Н.Г. Строганова, распроданных в 1620 г. (на л. 191), указаны две азбуки «фряские», приобретенные новым владельцем единым комплектом: «2 Азбуки писменные, Фряские, с прописными строки,

⁹ Отдельный лист, подклеенный к л. 129.

¹⁰ «Азбука фряская» 1604 г. сочетает в себе два типа пособий: довольно редкую для Древней Руси азбуку-подлинник (основной объем рукописи) и интегрированную в неё азбуку-пропись (л. 62–92об.). Последняя в настоящей работе нас интересовать не будет, так как уже не раз становилась предметом рассмотрения — см., например: [32, с. 910–919].

¹¹ Показательно, что титульные заставки-рамки, открывающие части нашего памятника, размещены на оборотах листов (л. 2об. и л. 123об.). Возможно, лицевые стороны рассматривались в качестве «защитных», что может косвенно свидетельствовать о создании частей в качестве двух самостоятельных комплексов тетрадей, не предполагавших переплетов.

цена гривна, проданы Михайлу Смывалову, взято по цене с прибылью 4 алтына» [15, с. 107; 18, с. 57]. Две части кодекса СПБИБ РАН ф. 115, № 160 прекрасно подходят под такое описание. В отсутствие переплета они могли быть обозначены организаторами распродажи в качестве самостоятельных единиц, но выставлены одним «лотом».

Существовали обе части памятника первоначально в качестве отдельных блоков тетрадей или же сразу составляли единую рукопись — принципиального значения не имеет, поскольку они, безусловно, создавались в рамках единого «проекта». На это указывает глубокая взаимосвязь их материала. Например, находящиеся на л. 130–134об. второй части образцы заголовков, выполненных специфической («некнижной») вязью, за небольшим исключением, представляют собой сокращенный вариант свода заголовков, исполненных «обычной» вязью на л. 97–102об. первой части¹². При этом их количество на л. 130–134об. более чем вдвое меньше по сравнению с л. 97–102об. (26 и 58 соответственно). Очевидно, что если в первой части приведен полный свод заголовков, обеспечивающий, по мнению составителя рукописи, тиражирование основных необходимых книг, то во второй части просто представлен другой стиль вязи на материале отдельных заголовков, в основном из того же «комплекта». Речь идет уже не о своде образцов для копирования, а лишь о группе примеров, позволяющих сопоставить разные стили вязного письма и тем самым дополняющих первую часть. Это подтверждает и наличие вязной надписи «азъ Адам первыи челоуѣкъ на земли» (л. 134об.), не относящейся к заголовкам, но представляющей собой характерный текст-пример, используемый в нашем памятнике для демонстрации различных письменных стилей и техник (л. 2об. — заставка-рамка и л. 91 — монокондильная композиция).

О заставках на л. 124–128об. также можно сказать, что они представляют собой дополнение к своду заставок старопечатного стиля из первой части (л. 104–114). Демонстрируя примеры двух других стилей исполнения этих элементов оформления книги: «арабескового» и неовизантийского. Наконец, и открывающая вторую часть титульная орнаментальная заставка-рамка на л. 123об., выполненная в «арабесковом» стиле, служит своего рода стилистическим вариантом по отношению к титульной старопечатной заставке-рамке на л. 2об. первой части. При этом уже упоминавшийся текст в заставке-рамке первой части («азъ Адамъ первыи челоуѣкъ на земли») выполнен «некнижной» вязью, характерной для второй части.

Подтверждением целостности «Азбуки фряской» является и то, что писцовая запись Ф.С. Басова расположена в завершении второй части памятника (в конце л. 140об.). Она объединяет обе части, являясь своего рода заверкой всего «проекта» исполнителем. Запись выполнена той же манерой письма (вычурный вариант), что и манера, представленная в качестве последнего примера (л. 95об.) в алфавитах книжного письма, помещенных в первой части (л. 94–95об.). Хотя письмо нашего памятника не является предметом рассмотрения в настоящей работе, нельзя не отметить, что эта манера присутствует в обеих частях рукописи. Кроме записи и алфавита на л. 95об. она также использована в киноарных транскрипциях монокондильных композиций, вязных заголовков и надписей во второй части Азбуки (л. 91–92об.; л. 130–134об. и л. 135–140об.).

Писцовая запись на л. 140об. служит своеобразным «колофоном» рукописи СПБИБИ

¹² Несоответствующими первой части являются, только два последних примера: «свѣтилна і БСГг[о]р[С]дична на» (л. 134) и «азъ Адам первыи челоуѣкъ на земли» (л. 134об.).

РАН, завершая работу Ф.С. Басова. Однако вторая часть памятника имеет ещё дополнение — комплекс из двух полных восьмилстовых тетрадей (л. 141–149 и л. 150–157). Бумага этих тетрадей совпадает с бумагой второй части (маркирована знаком «Медведь с почтовым рожком на спине»), а содержание составляют исполненные вязью те же заголовки, что и на л. 97–102об. первой части (за исключением одного случайного пропуска)¹³. Первый лист комплекса (л. 141) был оставлен чистым, а следующий за ним (л. 142) — вставной. Он вклеен в первую тетрадь и не имеет парного листа (все листы тетради сохранились), но относится к той же бумаге. На л. 142 помещена киноарная запись от 27 ноября 1604 г.: «113-г[о]. ноября, 17 д[е]н[ь]. Варьлукъ написал. 73, строки прописные болшие по, ||В, от строки итог[о]. К|Д|В у Соли у Вычегоцкие Никиты Григор[ь]ева с[ы]на Строганова. ч[е]л[о]в[е]къ Ларионъ Петровъ». Остальная часть страницы чистая, как и её оборот (л. 142об.). Запись удостоверяет то, что некто Варлук (Варлаам) написал 73 «строки прописные большие», исполнив работу по цене 2 деньги за строку, что в целом составило 24 алтына 2 деньги. Факт выполнения заказа и его оплаты засвидетельствовал сольвычегодский человек Н.Г. Строганова Ларион Петров. Перед нами документ, удостоверяющий исполнение работы, приложенный к самой работе¹⁴.

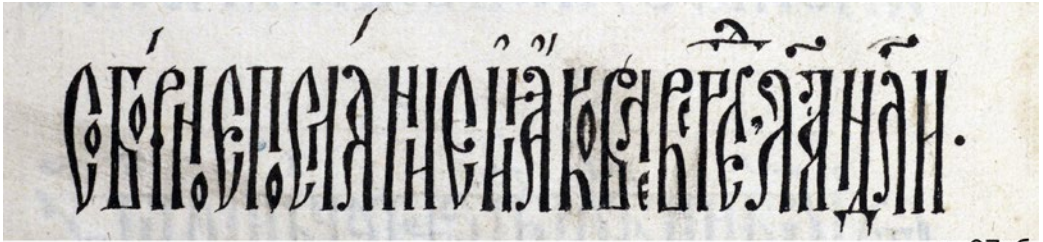
Состав вязных заголовков на л. 143–157 и на л. 97–102об. можно считать совпадающим, но стили их исполнения различаются: на л. 97–102об. представлен «каллиграфический стиль Грозного» (по Щепкину), а на л. 143–157 «штамбовый стиль» вязи, возникновение которого В.Н. Щепкин отнес к «эпохе Федора Иоанновича» [37, с. 74, 78, таб. LIV; 38, с. 40, 41, 47].

Совпадение состава заголовков на л. 143–157, выполненных Варлуком (57 заглавий), и заголовков, находящихся на л. 97–102об. первой части (58) важно для понимания организации работы над памятником. Единственным исключением является отсутствующий у Варлука и наличествующий у Басова (л. 98об.) заголовок одного из 21 апостольского послания (ап. Павла к Ефесянам), пропуск которого можно объяснить простой невнимательностью. При этом показательно соотношение некоторых текстов. Например, на л. 102 (Басов) мы встречаем: «вставъ ц[е]рковнѣи слвжѣбѣ иже во и» и «м[е]с[я]ца сентября въ; А. д[е]н[ь] начаток индиктѣ сиірѣчь», а на л. 156 (Варлук) те же заголовки выглядят как: «вставъ ц[е]рковнѣи слвжѣбѣ иже во иеросалиме» и «м[е]с[я]ца сентября въ; А. д[е]н[ь] начаток индиктѣ сиірѣч[ь] новому». Такое отличие нескольких заголовков, при совпадении подавляющего большинства остальных, скорее всего, указывает на то, что протографом в работе Варлука послужили не л. 97–102об., а некий другой источник, являвшийся общим как для него, так и для Басова, в котором свод заглавий был представлен в наиболее полном виде. С учетом общности бумаги, использовавшейся Ф.С. Басовым и его коллегой, можно сказать, что работа Варлука велась параллельно с созданием второй части.

Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что «строки прописные большие» на л. 143–157 заказывались Варлуку непосредственно для второй части нашего памятника и должны рассматриваться в качестве её составляющей. Они полностью соответствуют характеру этой части как дополнения и «расширения» первой. Материал двух последних тетрадей выполняет по отношению к образцам вязных заголовков на

¹³ На общность этих комплексов заголовков обратил внимание и Г.В. Маркелов [14, с. 686, 687].

¹⁴ На то, что запись на л. 142 относится именно к двум последним тетрадям указывает как общность бумаги, так и сам факт подклейки этого, отдельного, листа к началу тетрадей.

л. 97об.

л. 144

л. 131

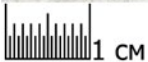

Рис. 1. Варианты одного и того же заголовка, выполненные вязью различных стилей из разных разделов «Азбуки фряской» 1604 г. (л. 97 об.; л. 144; л. 131).

л. 97–102об. ту же функцию, что и заставки «арабескового стиля» (л. 124–127об.) по отношению к образцам старопечатных заставок (л. 104–114) — функцию демонстрации ещё одного возможного стиля исполнения тех элементов книги, которые были представлены в первой части.

Мы остановились на структуре «Азбуки фряской» 1604 г. не только из-за необходимости представить её современное видение, но и для того, чтобы ответить на вопрос: О чем этот памятник?. Ответ только на первый взгляд может показаться самоочевидным. «Азбука фряская» 1604 г. — это пример ремесленной литературы «корпорации» московских писцов и мастеров книги раннего Нового Времени, причем, если не учитывать «производственные» статьи в древнерусских сборниках самый ранний в своем

роде. Безусловно, Азбука имела в глазах её создателей и заказчика «сугубо практическое значение — служить сводом образцов». Вряд ли кто-нибудь станет спорить с таким пониманием её функции, сформулированным Г.В. Маркеловым [14, с. 687]. Однако в сложной, даже изоцированной, структуре самого «свода» присутствует отражение осмысления его материала, в котором очевидно проявляется наличие в сознании составителя памятника категории *стиля*. Эта категория носит системообразующий характер, определяя взаимоотношение частей рукописи, при котором вторая представляет стилистические «альтернативы» к материалу первой.

Нам уже приходилось говорить о том, что рукопись СПбИИ РАН ф. 115, № 160 по сути своей является трактатом без текста [26, с. 804]¹⁵. И «трактат» этот посвящен *стилю*. В разных частях Азбуки 1604 г. отражены различные стили исполнения одних и тех же элементов книги, а также письма. Это видно уже на примере двух титульных заставок-рамок. Если первой части предшествует титульная заставка старопечатного стиля, то вторую открывает заставка с рамкой «арабескового» стиля. Образцам «обычных» заставок старопечатного стиля первой (л. 104–114) противопоставлены образцы заставок «арабескового» (л. 124–127об.) и неовизантийского (л. 128–128об.) стилей второй части. *Скоропись* (л. 62–92об.), первоначально относившаяся ко второй части Азбуки, также воспринималась её создателем именно как самостоятельный стиль письма по отношению к *книжному письму* в первой части (л. 94–95об.) [32, с. 911–919]. Но, пожалуй, ярче всего принципиальную установку на представление различных стилей исполнения одних и тех же элементов демонстрируют примеры книжной вязи, в которых «каллиграфический стиль Грозного» соотнесен со «штабмовым стилем эпохи Федора Иоанновича» и со стилем специфической («некнижной») вязи путем выполнения одних и тех же текстов заголовков. Позволим себе привести варианты одного такого заголовка, выполненные вязью разных стилей (Рис. 1). Думается, что это убедительное доказательство того, что в среде, где возник наш памятник — в среде московских мастеров книжного дела и каллиграфов рубежа XVI–XVII в., категория *стиля* уже существовал в качестве категории профессионального сознания.

Если мы посмотрим на организацию материала в нашей рукописи с точки зрения *стиля*, то увидим, что в первой части памятника отсутствует установка на демонстрацию какого-либо стилистического разнообразия. Наоборот, здесь представлен своего рода унифицированный набор средств производства книги¹⁶. По сути, это стилистиче-

¹⁵ Появление на рубеже XVI–XVII в. такого «трактата», на наш взгляд, является проявлением корпоративного (профессионального) сознания этих мастеров.

¹⁶ В первой части мы только один раз сталкиваемся с казалось бы «разностильностью». Так здесь представлены большие художественные инициалы сразу двух стилей: старопечатного (л. 3–22) и неовизантийского (л. 24–34). Но эта «разностильность» мнимая. Как справедливо отмечают А.А. Турилов и И.В. Поздеева в XVI в. неовизантийский стиль «сосуществует со старопечатным <...>, известны (и даже нередки) случаи употребления орнаментов этих стилей совместно в одной и той же рукописи» [21, с. 519]. Исследователи показали, что и в эпоху творчества Ф.С. Басова сочетание такого рода хоть и редки, но известны, включая уникальный случай печатного издания («Служба явлению Казанской Богородицы») [21, с. 517–520]. Знаменательно, что встречается такое сочетание и в ещё одном старейшем древнерусском каллиграфическом пособии (современном нашему) — в азбуке-свитке Ny kongeling Samling 613, 8° (часть А) из собрания Королевской библиотеки в Копенгагене [21, с. 519]; о самой рукописи см.: [26, с. 808–809]. Все это позволяет считать, что при создании первой части «Азбуки фряской» сочетание инициалов старопечатного и неовизантийского стилей само

ский «стандарт» для исполнения книг, которые рассматривались и создателем Азбуки, и её заказчиком (Н.Г. Строгановым) в качестве подлежащих тиражированию посредством переписки¹⁷.

Что касается второй части, то здесь, как уже было отмечено, помещены альтернативные стилистические варианты к материалам первой части, сгруппированные в своеобразные функционально-стилистические комплексы. Если «оставить за скобками» работу Варлука, то один такой комплекс представляет собой образцы «травного арабескового стиля» в книжной орнаментике (с дополнением листа контурных заставок неовизантийского стиля), а другой — вязь специфического («некнижного») стиля вместе с азбукой *скорописи*, которая демонстрируется (посредством монокондильных композиций) в качестве эстетизированного «вязного» письма (стилистика сходного с «некнижной» вязью) [32, с. 910–911, 916–918]. У составителя нашего пособия существовало понимание *стиля* как эстетического феномена, в соответствии с которым и группировался материал в *каллиграфическом подлиннике*¹⁸.

«Азбука фряская» 1604 г. во многом является уникальным памятником в культуре своего времени. Для адекватной оценки отразившихся в ней представлений их необходимо поместить в соответствующий контекст. На наш взгляд такую возможность дают описи древнерусских монастырских библиотек XVI–XVII в., в которых мы раньше всего встречаемся с указаниями на *стиль* применительно к искусству книги¹⁹.

От XVI–XVII в. до нас дошел целый ряд описей собственности монастырей, содержащих сведения о книгах²⁰. В описях монастырских библиотек, кроме наименования, отмечались опознавательные признаки объектов учета, достаточные для их идентификации, что в свою очередь отражает представления, существовавшие в среде профессиональных пишущих о художественных и технологических особенностях книги.

Особый интерес представляет документация XVI в. Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря. На сегодня известны его описи 1573 и 1591 гг., рукописи которых сохранились [16]. В публикации начала XX в. В.Т. Георгиевского, а позже и Р.П. Дмитриевой был представлен текст описи, первоначально отнесенной к 1545 г. [2, с. 8–23; 19, с. 24–41]. Однако сам этот памятник считается утраченным. Отсутствие документа дало повод для сомнения в его датировке. М.Н. Шаромазов предположил и убедительно аргументировал то, что опись книг Иосифо-Волоцкого монастыря на самом деле была составлена не в 1545 г., а в 1575 г. [34, с. 571–586].

Волоколамские описи XVI в. уникальны своей сосредоточенностью на «археографических» характеристиках книг. Здесь среди различных атрибутивных призна-

воспринималось как некая стилистическая норма, предполагающая синтез византизирующих и вестернизационных тенденций в орнаментике.

¹⁷ Судя по составу вязных заголовков речь идет о книгах, необходимых для организации храмового богослужения.

¹⁸ Конечно же без разделения на *стилевые* и *стилистические* явления.

¹⁹ Вопрос об отражении представлений о *стиле* в описях монастырских библиотек рассматривается в нашей статье: [22, с. 50–54]. Здесь мы с опираемся на материал данной публикации, внося в него необходимые коррективы.

²⁰ О формировании в Московской Руси системы учета монастырского имущества, включавшего и библиотеки, можно говорить с сер. XVI в., хотя о появлении наиболее ранних монастырских книжных инвентарей речь идет с 80-х гг. XV в. Список изданных описей древнерусских монастырских библиотек приведен в нашей совместной статье с М.А. Шибаевым [33, с. 1315–1316]. К сожалению, из него «выпала» одна публикация: [16].

ков встречаем и указания книгохранителей на оформление рукописей, выходящие за рамки отметок традиционных для древнерусской учетной документации такого рода. В описании «заставиц» это характеристики: «фряские» [16, с. 43–46, 53, 56, 70]²¹, «кресчаты» [16, с. 87] и «кружалныя с золотом» [19, с. 40] (а не только заметки типа: «строки и заставицы золотомъ писаны» [19, с. 24]). При этом показательно, что лишь заставки «фряские» выделяются системно: 15 случаев для описей XVI в., тогда как указания на «кресчаты» и «кружалныя» имеют единичный (уникальный) характер²².

Нет сомнений в том, что в понимании создателей описей все это не более, чем опознавательные «маркеры» рукописей. Однако для нас они явные и наиболее ранние из известных указаний на *стилистические* особенности оформления книги. Замечания книгохранителей могут быть соотнесены с существовавшими в XVI в. стилями иллюминации древнерусских рукописей, когда наиболее популярными были плетеные заставки балканского стиля (расцвет которого приходится на кон. XV – нач. XVI в.) и неовизантийские²³, а также появившийся под влиянием западной традиции «травный орнамент» старопечатного стиля, в XVI–XVII в. именовавшийся «фряжским». О последнем А.С. Зернова говорит, что так на Руси назывался растительный орнамент, «многочисленные образцы которого можно было найти повсюду» [6, с. 11]. Этот распространившийся по территории Московского государства в XVI в. стиль иллюминации характеризуется обилием растительных мотивов, заимствованных из западноевропейской орнаментики [3; 5; 9]. Что касается «кружалных» заставок, то под ними в Описи 1545 г. (1575 г.), очевидно, понимались заставки неовизантийского стиля — «кружалный» в значении полукруглого свода [24, с. 83]. «Заставица <...> кресчата», на наш взгляд, может интерпретироваться как заставка балканского стиля, для которого характерны такого рода формы.

Подчеркнём, что о наименовании *стиля* по-настоящему можно говорить только применительно к термину «фряский» («фряжский»), который сам по себе носит абстрактный характер: прилагательное «оторвалось» от своего первоначального значения — «имеющий отношение к франкам, генуэзцам, итальянцам» — и превратилось в определение всего, что относится к западноевропейскому миру [25]. В отношении книжной графики он стал обобщенным обозначением системы восходящих к западноевропейской традиции художественных особенностей в орнаментальном оформлении рукописей и печатных изданий. В учетной документации монастырских библиотек термин известен начиная с описи Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г., где речь идет как о заставках («заставицах»), так и об инициалах («словах») [16, с. 43–46, 53, 56, 68, 70]. Здесь уже нет никаких оснований сомневаться в том, что наименование «фряский» («фряжский») соответствует именно *стилю*. В данном случае можно уверенно говорить, что перед нами отражение факта осознания *стиля* как эстетической категории. Соответственно, и такие обозначения доминирующих графических особенностей иллюминации как «кружалный» и «кресчатый», оказавшись в одном ряду с заставками «фряскими», получают характер указаний на *стилистические* признаки орнаментики книг.

²¹ См., например: [19, с. 39, 40, 41].

²² Так, «заставица кружалныя с золотом» встречается один раз в Описи 1545 г. (1575 г.), а «заставица на красках одна кресчата» в Описи 1591 г.

²³ Об этих орнаментах см., например: [36; 12].

То, что обнаруживаемые в монастырских учетных документах с начала 70-х гг. XVI в.²⁴ указания на стилистические особенности оформления рукописей были отображением «чувства» *стиля*, сформировавшегося к этому времени в среде мастеров книги и профессиональных пишущих Московской Руси, на наш взгляд, подтверждают и некоторые замечания о письме книг, встречаемые в описях библиотек XVI–XVII в. вкупе с записями книгохранителей на самих рукописях. Таким ярким примером осознания или, скорее, ощущения стилистических особенностей письма может служить, например, отметка: «Гурьиво писмо Тушина» в Четвероевангелии РНБ Кир.-Бел. 53/58, созданном в 60-х гг. XVI в., то есть уже после смерти самого Гурия (в 1526 г.) [7, с. 175]²⁵. Очевидно, подмеченная книгохранителем (скорее всего, в 60-х гг. XVII в.) общая *стилистическая* (графическая) специфика письма — *грецизированное книжное письмо* — была воспринята им как характерная именно для Гурия Тушина (в качестве индивидуализирующего признака).

Думается, что и встречаемые в описях библиотек указания на письмо «тростью», (каламом) нужно рассматривать не столько как следствие точного знания об использовании при создании рукописи именно калама, сколько как ассоциацию все с тем же *грецизированным книжным письмом* (восходящем к традиции так называемого «поп-герасимова» письма²⁶). В качестве указания на *стиль* письма, калам как инструмент связывается здесь со своего рода «греческим стилем» письма. Вопрос о каламе в древнерусской письменной культуре требует отдельного исследования, однако уже сейчас ясно, что без специальных средств наблюдения, которых не было в XVI–XVII в., возможность отличить трассу птичьего пера от трассы заточенной тростниковой палочки даже у профессионального писца существовала далеко не во всех случаях²⁷. При этом реальное употребление калама, очевидно, было для древнерусских книгописцев достаточно редким явлением (непосредственно сообщения самих писцов о работе «тростью» известны нам только с середины XV в.²⁸). Однако надо отметить,

²⁴ В более ранних описях древнерусских монастырских библиотек, например, в описи Соловецкого монастыря 1514 г. [17, с. 29–38], как и в описи того же монастыря 1549 г. [17, с. 39–52] и в других, таких указаний нет.

²⁵ Скорописная запись 60-х (?) XVII в.: «Гурьево писмо Тушина» находится на л. I. В учетных документах Кирилло-Белозерского монастыря атрибуция этой рукописи Гурию Тушину появляется только в описи книгохранительницы 1664 г. (ОР РНБ ф. 487, оп. 2. Q. 299. л. 14), где о книге также сказано: «Гурьево писмо Тушина».

²⁶ О «попгерасимовом» письме см.: [13]. Новейшие наблюдения по этому вопросу представлены в лекции Г. Парпулова «Гръцките корени на т.нар. Поп-Герасимово писмо», прочитанной 16.12.2021 г. в рамках Международного семинара «Южнославянски кописи и скриптории от XIV век (палеографска атрибуция и онлайн реперториум)» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EE3OleCV0fo> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁷ Использование писцом калама, при наличии у него соответствующей заточки, может быть установлено, без обращения к специальным средствам анализа, лишь тогда, когда мы наблюдаем фактически безконтрастное письмо. На этот признак обратила внимание Н.В. Синицына. Так, говоря о рукописи РНБ Кир.-Бел. 85/210 (исполненной Гурием Тушиным), она отметила, что «орудием письма здесь служит не перо, а тросточка, калам; при использовании его разница между жирными и волосными линиями букв не выражена, все буквы — примерно одинаковой толщины» [23, с. 91]. Как показывают экспериментальные исследования различных техник древнерусского письма, проводимые нами совместно с профессиональным каллиграфом М.А. Скопиной, для исполнения такого письма птичье перо не подходит.

²⁸ Старейшее было обнаружено М.А. Шибаяевым в рукописи РНБ Соф. 1332, которую он датирует

что в кон. XV – нач. XVI в. для древнерусских книгописцев калам и птичье перо соотносились со стилистическими различиями в письме. В качестве подтверждения укажем на того же Гурия Тушина, использовавшего разные инструменты для реализации различных *регистров* письма в пространстве одной рукописи (см., например: Евангелие тетр 1511 г. — РНБ Кир.-Бел. №31/36 или Житие св. Саввы Сербского — РНБ Кир.-Бел. №27/1266)²⁹.

Говоря о том, что знакомство с древнерусскими описями монастырских библиотек показывает проявление в них примерно с последней трети XVI в. интереса к стилистическим особенностям письма, нельзя не упомянуть и того факта, что с 1570-х гг. (включая Волоколамскую опись 1573 г.), а возможно и ранее, в учетной документации библиотек фигурирует указание на «скоропись» [29, с. 126], которую можно рассматривать в качестве первого осознанного «стиля» русского письма [29, с. 132; 32, с. 919–920].

Обсуждая наличие категории *стиля* в сознании создателей описей библиотеки Иосифо-Волоцкого монастыря XVI в., необходимо отметить один показательный факт. Хотя в языке Древней Руси прилагательные «фряжский» и «немецкий» зачастую функционировали в качестве синонимов [25, с. 72], в описях мы видим разграничение в их употреблении: «фряжский» («фряжские») системно используется тогда, когда имеется в виду художественный *стиль*, а когда говорится о *технологии* (*технике*), то — «немецкий», «по-немецки». Регулярная характеристика переплета книг: «переплетка по-немецки» [19, с. 32], «переплетка и заставки по-немецки» [16, с. 97], «переплетка и заставки немецкие» [16, с. 49]³⁰ и т.п.³¹ принципиально отличается от не менее регулярной характеристики художественного *стиля* их иллюминации: «заставицы фряжские» [19, с. 40], «заставицы и слова и статьи фряжские писаны золотом» [16, с. 43], «заставицы фряжские на золоте с травами» [16, с. 43], «заставица и слово большое и строка фряжская на золоте прописано» [16, с. 45] и т. п.

То, что в данных случаях говорится именно о *технологии*, подчёркивает использование наречия «по-немецки» («переплетка по-немецки», «переплетка и заставки по-немецки» и т.п.) [16, с. 44, 52, 60, 66, 67, 74, 75, 83, 97; 19, с. 32, 41]: «по-», то есть, каким образом — указание на техническую, технологическую сторону исполнения. Характерный пример: «Псалтырь в полдесть с следованием полная со святцы, с новыми чудотворцы, и тропари, и каноны, переплетена по-немецки, заставки и оковы медны, заставицы три фряжские ...» [19, с. 41]. Однозначно сказать, что имеется в виду сложно, но, очевидно, речь идёт о том явлении, которое А.П. Балаченкова определила как «западноевропейскую постренессансную модель переплета» древнерусских книг, датируя её кон. XVI–XVII в. [1, с. 44–45]. Сюда же нужно относить переплеты «Троице-Сергиевского периода» (нач. 1560 г. – XVII в.) и «переплеты Московского Печатного двора» кон. XVI–XVII в. по классификации С.А. Клепикова [10, с. 56–59]. Такая

временем не позднее января 1452 г. [35, с. 39], далее следует писцовая запись из Пролога 1491 г., рассмотренная Е.Ф. Карским [8, с. 129].

²⁹ О *регистрах* древнерусского письма см.: [31; 30, с. 209, 219–221].

³⁰ «Переплетка немецкая», «переплетка и заставки немецкие» и т.п. [16, с. 54, 67, 68, 89].

³¹ Впрочем, возможен и такой вариант: «Псалтырь в полдесть <...> со святцы, с новыми чудотворцы, затежки и оковы медяны немецкие» [19, с. 41], где, скорее всего, речь идет об импортной медной фурнитуре. Очевидно, прилагательное «немецкий» могло указывать и на источник происхождения некоторых деталей переплета.

техника переплетения на момент создания описей библиотеки Волоцкого монастыря воспринималась отечественными производителями и пользователями книги как заимствованная — имеющая западноевропейский источник. Очевидно, её перенос на почву Московского Царства для периода создания описей 1573 и 1545 (1575) г. был ещё «новомодным» явлением, оценивавшимся самими современниками как проявление тенденций вестернизации в культуре книги Московской Руси.

Итак, к 70-м гг. XVI в. у древнерусских книжников произошло осознание *стиля* в качестве явления графической культуры. Хотя представления о стилистических различиях в письме и, возможно, в оформлении книги, очевидно, стали возникать в книгописной среде Московской Руси как следствие так называемого «второго южнославянского влияния»³², в том числе, в связи с *модой* на *грецизированное книжное письмо* (которая сама по себе явилась проявлением византизирующих тенденций). Однако в самом формировании категории *стиля* в профессиональном сознании древнерусских книжников мы видим результат западных заимствований в области орнаментики. Применительно к ним впервые было использовано обобщающее, не основанное на той или иной конкретной графической особенности наименование «фряжский» (в значении *стиль*). Новый *стиль*, пришедший из внешней, в религиозном и культурном плане, среды — отличающийся, от стилиевых явлений византийско-славянской парадигмы (от внутренних *мод* в письме и орнаментике) потребовал своего осознания (и, как следствие, определения, несводимого к какой-то специфической черте или чертам графики)³³. Это, по сути, означало появление соответствующей категории профессионального сознания. Несколько упрощая (схематизируя) процесс, можно сказать, что осознание *стиля* происходит в результате «столкновения» парадигм художественных и технологических влияний: традиционной, которую мы очень условно можем обозначить как «византийскую» (включая сюда и южнославянский компонент), и новой — «западной», которую в том же византийском и древнерусском духе можно было бы образно назвать «франкской». Пользуясь случаем, отметим, что вестернизационные тенденции, ярко проявившиеся во «фряжском» *стиле*, соединяясь с византизирующими тенденциями (которые в широком смысле стоит относить к следствиям «второго южнославянского влияния»), приводят к своеобразному синтезу, ярким выражением которого стала «Азбука фряжская» 1604 г.³⁴

³² Говоря о втором южнославянском влиянии мы полностью согласны с мнением В.М. Живова о том, что «для него давно уже стоило бы найти более подходящее название» и, что «это отчасти мифологический феномен, созданный славянской филологией, отчасти — конгломерат новых явлений, появившихся в конце XIV–XV в. и без разбору объединенных исследователями в единое целое. Поскольку отдельные новые явления действительно имеют южнославянское происхождение, а отдельные — византийское, весь этот конгломерат рассматривается как порождение византийско-южнославянского влияния» [4, с. 822–823].

³³ Показательно, что на декоративные «фряжские» элементы составители описей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря обращали значительно больше внимания, чем на какие-либо другие.

³⁴ О синтезе такого рода на материале древнерусского искусства (прежде всего живописи) говорит и А.С. Преображенский [20].

Литература

1. *Балаченкова А. П.* Проблема датировки древнерусских обиходных переплетов // Мавродинские чтения: Сборник статей / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. — С. 42–46.
2. *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. — СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. — 169 с.
3. *Дианова Т. В.* Старопечатный орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Сб. 2. — М.: Наука, 1974. — С. 296–335.
4. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. — Т. II. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 470 с.
5. *Зацепина Е. В.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 101–154.
6. *Зернова А. С.* Орнаментака книг московской печати XVI–XVII веков: альбом / Под общ. ред. А.А. Сидорова. — М.: ГБЛ, 1952. — 28 отд. сброшюр. с., 84 л.
7. *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 17. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 169–200.
8. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. — Л.: Изд-во АН СССР, 1928. — 494 с.
9. *Киселев Н. П.* Происхождение московского старопечатного орнамента // Книга: Исследования и материалы. — Сб. 11. — М.: Книга, 1965. — С. 167–198.
10. *Клепиков С. А.* Описание древних русских обиходных переплетов // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР — Вып. 2. — Ч. 1. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1976. — С. 51–77.
11. *Конакова А. Д., Цыпкин Д. О.* «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — № 3 (61). Сентябрь, 2015. — С. 56–57.
12. *Костюхина Л. М.* Нововизантийский орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Сб. 2. — М.: Наука, 1974. — С. 265–295.
13. *Коцева Е.* Александрийско-попгерасимово письмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. // Старобългарска литература. — № 1. — 1971. — София: Институт за литература БАН, 1971. — С. 369–401.
14. *Маркелов Г.В.* Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 54: Памяти Д.С. Лихачева. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 684–699.
15. *Мудрова Н.А.* Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в.). — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. — 540 с.
16. *Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. / Публ. Р.П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. — Л.: Наука, 1991. — С. 42–99.*
17. *Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 356 с.*
18. *Опись библиотеки Н. Г. Строганова 1620 г. / Сост. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов; Препринт. — Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. — 79 с.*
19. *Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. / Публ. Р.П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. — Л.: Наука, 1991. — С. 24–41.*
20. *Преображенский А. С.* Западные мотивы и формы в поствизантийской живописи Московии. Предварительные размышления // Актуальные проблемы истории и теории искусства: сбор. науч. статей. — Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2016. — С. 252–266; 883–884.
21. *Поздеева И. В.* Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. — М.: Фантом-пресс, 2016. — 576 с.
22. *Симонова Е. С., Цыпкин Д. О.* Эстетика и технология книги раннего Нового Времени в описях древнерусских монастырских библиотек. Несколько предварительных замечаний // Национальная библиотека. — №1 (22). — 2023. — СПб.: РНБ, 2023. — С 50–54.
23. *Синицына Н.В.* Отожествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. — М.: Наука, 1974. — С. 89–112.

24. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. (Крада –Лящина). / Глав. ред. Ф.П. Филин. — М.: Наука, 1981. — 352 с.
25. Фомин В.В. Термин «фряги» русских памятников XII–XVII вв. и его значения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. — 2018. — № 3(89). — Тамбов: Грамота, 2018. — С. 69–74.
26. Цыпкин Д. О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт, 2016. — С. 800–814, 912. DOI: 10.18688/aa166-12-88
27. Цыпкин Д. О. «Азбука фряская» 1604 года: древнерусская каллиграфия на заре эпохи тиражирования // Польза зѣло великая: сборник научных статей к 60-летию Андрея Владимировича Вознесенского / Сост. Н.В. Николаев. — СПб.: РНБ, 2022. — С. 21–36.
28. Цыпкин Д. О. Древнерусская каллиграфия в контексте проблемы когнитивных трансформаций (некоторые замечания о монокондильных композициях раннего Нового Времени) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. — Вып. 12 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 688–704, 919. DOI: 10.18688/aa2212-08-55
29. Цыпкин Д. О. Древнерусское метное письмо // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2019. — № 1. — С. 124–135. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.109
30. Цыпкин Д. О. К вопросу о начале Нового Времени в истории русского письма: несколько предварительных наблюдений // Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», г. Смоленск, 11–13 сентября 2019 г. — Смоленск: Свиток, 2020. — С. 204–222.
31. Цыпкин Д. О. К вопросу о регистрах древнерусского письма // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. — М.: ИВИ РАН, 2019. — С. 423–425.
32. Цыпкин Д. О. О формировании эстетики древнерусской скорописи (по результатам исследования рукописи СПбИИ РАН, ф. 115, № 160) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. — Вып. 11 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. — С. 907–924, 994. DOI: 10.18688/aa2111-11-74
33. Цыпкин Д. О., Симонова Е. С., Шибяев М. А. Технологические особенности древнерусской книги в описях монастырских библиотек раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. — Т. 67. — Вып. 4. — С. 1313–1328. DOI: 10.21638/spbu02.2022.415
34. Шаромазов М.Н. «Наш» или «Покой» (О времени создания описи Иосифо-Волоколамского монастыря, опубликованной В. Т. Георгиевским) // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. — М.: Индрик, 2006. — С. 571–586.
35. Шибяев М.А. Из истории книгописания в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XV века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — № 3. — 2018. — С. 36–42.
36. Шульгина Э.В. Балканский орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Сб. 2. — М.: Наука, 1974. — С. 240–264.
37. Щепкин В.Н. Вязь // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. — Т. 20. — М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1904. — С. 57–80, Таб. XXXIX–LV.
38. Щепкин В.Н. Русская палеография. — М.: Наука, 1967. — 224 с.

Название статьи. Появление категории *стиля* в сознании древнерусских книжных мастеров.

Сведения об авторах. Цыпкин, Денис Олегович — кандидат исторических наук, директор по особо ценным фондам. Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191069; tsypkind@mail.ru; доцент, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры. Санкт-Петер-

бургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. d.tsypkin@spbu.ru; SPIN-код: 8079-2820; ORCID: 0000-0002-8207-8551

Симонова, Екатерина Сергеевна — заведующая сектором информационно-библиографического обслуживания Отдела рукописей. Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18; Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191069; grechekat@yandex.ru; SPIN-код: 5848-0624

Аннотация. Статья завершает серию работ, посвященных рукописи ф. 115, №160 из собрания Санкт-Петербургского института истории РАН — «Азбуке фряской» 1604 г., созданной (в основном своем объеме) на рубеже XVI–XVII в. известным московским мастером книги Ф. С. Басовым для Н.Г. Строганова. Читателю представлена значительно уточненная (по сравнению с предыдущими публикациями) структура памятника. В результате её анализа стало возможно утверждать, что в основе этой структуры лежит категория *стиля*, который должен рассматриваться в качестве категории профессионального сознания московских книгописцев-профессионалов эпохи создания Азбуки. В работе анализ «Азбуки фряской» помещён в контекст наблюдений над описями древнерусских монастырских библиотек XVI–XVII вв., в которых также выявлено наличие представлений о стиле орнаментики книг. Категория *стиля* обнаруживается в описях начиная с 1570-х гг. Хотя представления о стилистических особенностях письма и оформления книги скорее всего стали возникать у древнерусских книжников в следствии процессов, связанных с так называемым «вторым южнославянским влиянием», осознание *стиля*, очевидно, произошло под влиянием прихода в пространство древнерусской книги и документа орнаментики «фряжского» (старопечатного) *стиля*. Столкновение «византийской» («славяно-византийской») традиции украшения книги с западноевропейской традицией, очевидно, и привело к формированию в профессиональном сознании писцов и книгописцев Московского Царства категории *стиля*.

Ключевые слова: стиль, древнерусская орнаментика, искусство книги, древнерусское искусство, древнерусские рукописи, описи монастырских библиотек, старопечатный стиль.

Title. The Emergence of the Notion of *Style* in the Mentality of Old Russian Book Makers³⁵

Authors. Tsypkin, Denis O. — Ph. D., director for special value funds. National Library of Russia, Sadovaya ul., 18, 191069 St. Petersburg, Russian Federation; d.tsypkind@nlr.ru; associate professor, head of the Department of European and Russian cultural history. St. Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation; d.tsypkin@spbu.ru; SPIN-code: 8079-2820; ORCID: 0000-0002-8207-8551

Simonova, Ekaterina S. — head of Information and Bibliographic Services of the Department of Manuscripts. National Library of Russia, Sadovaya ul., 18, 191069 St. Petersburg, Russian Federation; grechekat@yandex.ru; SPIN-code: 5848-0624

Abstract. The article completes a series of researches on the manuscript f. 115 No. 160 from the collection of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science. This manuscript, the so-called Stroganov ABC-book, was created in 1604 by the famous Moscow calligrapher Fyodor Basov for Nikita Stroganov. The paper presents important clar-

³⁵ The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00615, in the National Library of Russia.

ifications regarding the structure of the book. A careful analysis has revealed that the book was structured according to the category of style, which should be regarded as an important new notion in the mentality of professional Russian calligraphers of the time. The paper analyzes the Stroganov ABC-book in the context of definitions used in the 16th-17th century book inventories of Russian monasteries, where the similar notion of book ornaments has been also revealed. The concept of style can be found in such library inventories from the 1570s. Although some understanding of the stylistic peculiarities of book writing and decoration may have appeared only as a result of the so-called “second South-Slavic influence”, a clearer notion of style was probably formed by the adoption of Western types of decoration (the so-called *Fryazhsky* style) of Russian books and documents. The collision between the Byzantine (or Slavic-Byzantine) and Western traditions of book decoration obviously led to the shaping of the special category of *style* in the professional consciousness of the Muscovite calligraphers and scribes.

Keywords: style, Old Russian ornamentation, art of the book, Old Russian art, Old Russian manuscripts, inventories of monastery libraries, old-printed style

References

- Balachenkova A. P. The Problem of Dating of Old Russian Household Bindings. *Mavrodinskiye chteniia: Sbornik statei (Mavrodin Conference: Collection of Articles)*. St. Petersburg, SPGU Publ., 2002, pp. 42–46 (in Russian).
- Dianova T. V. Old-printed Ornament. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga (Old Russian Art. Hand-written book)*, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 206–335 (in Russian).
- Fomin V.V. The term ‘fryagi’ of Russian Monuments of the 12th–17th Centuries and Its Meanings. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal (Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice: Scientific-theoretical and Applied Journal)*, 2018, no. 3(89), pp. 69–74 (in Russian).
- Georgievskii V. T. *Freski Ferapontova monastyria (Prilozhenie: Opis' Iosifo-Volokolamskogo monastyria 1545 (7053) goda) (Frescoes of the Ferapontov Monastery)*. St. Petersburg, Komitet popечitel'stva o russkoi ikonopisi Publ., 1911. 121 p. (in Russian).
- Inventories of the Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery in 1573 and 1591. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti (Manuscript Centres of Ancient Russia. Joseph-Volokolamsk Monastery as a Centre of Bookishness)*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 42–99 (in Russian).
- Inventory of Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery, 1545. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti (Manuscript Centres of Ancient Russia. Joseph-Volokolamsk Monastery as a Centre of Bookishness)*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 24–41 (in Russian).
- Karskii E. F. *Slavianskaia kirillovskaia paleografiia (Slavonic Cyrillic Palaeography)*. Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1928. 494 p. (in Russian).
- Kazakova N. A. Book Writing Activity and Social and Political Views of Guriy Tushin *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Studies of the Old Russian Literature Department)*, vol. 17. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1961. pp. 169–200 (in Russian).
- Kiselev N.P. Origin of Moscow old-printed ornamentation. *Kniga: Issledovaniia i materialy (Book: Studies and Materials)*, vol. 11. Moscow, Kniga Publ., 1965. pp. 167–198. (In Russian).
- Klepikov S. A. Description of Ancient Russian Household Bindings. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniiu slaviano-russkikh rukopisei dlia Svodnogo kataloga rukopisei, khraniashchikhsia v SSSR (Methodical Recommendations on the Description of Slavic-Russian Manuscripts for the Consolidated Catalogue of Manuscripts Stored in the USSR)*, vol. 2, iss. I. Moscow, Institute of History Academy of Sciences USSR Publ., 1965, pp. 51–77 (in Russian).
- Koceva E. The Alexandrian-Popgerasim Letter in Bulgarian Manuscripts of the Second Half of the 14th Century. *Starobolgarskaia literatura (Old Bulgarian literature)*. Sofiia, Institut literatury BAN Publ., 1971, pp. 369–401 (in Bulgarian).

Konakova A.D.; Tsyppkin D. O. "Azbuki friaskie" in the History of Russian Calligraphy (To the Formulation of the Problem). *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki (Old Russia. Questions of Medieval Studies)*, no. 3 (61), September, 2015. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 56–57 (in Russian).

Kostiukhina L. M. New Byzantine Ornament. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga (Old Russian Art. Handwritten book)*, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 265–295 (in Russian).

Markelov G. V. Book-written Original of the Stroganovs from 1604. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Studies of the Old Russian Literature Department)*, vol. 54. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. pp. 684–699 (in Russian).

Mudrova N. A. *Biblioteka Stroganovykh (vtoraia polovina XVI – nachalo XVIII v.) (Stroganov Library (Second Half of the 16th – Beginning of the 18th Century))*. Ekaterinburg, UrO RAN, Publ., 2015. 540 p. (in Russian).

Opis' biblioteki N.G. Stroganova 1620 g. (Inventory of the Library of N.G. Stroganov, 1620). Ekaterinburg, UrO RAN, Publ., 1991. 79 p. (in Russian).

Opisi Solovetskogo monastyria XVI veka (Inventory of the Solovetsky Monastery of the 16th Century). St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 356 p. (in Russian).

Pozdeeva I. V. *Chelovek. Kniga. Istoriia. Moskovskaia pechat' XVII veka (Man. Book. History. Moscow Printing of the 17th Century)*. Moscow, Fantom Publ., 2016. 576 p. (in Russian).

Preobrazhenskij A. S. Western Motifs and Forms in Post-Byzantine Painting of Muscovy. Preliminary Thoughts. *Actual Problems of Theory and History of Art*, vol. 6. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 252–266; 883–884 (in Russian). DOI: 10.18688/aa166-3-26

Sharomazov M. N. "Nash" or "Pokoi" (On the Time of Creation of the Inventory of the Joseph-Volokolamsk Monastery, published by V. T. Georgievsky). *Ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni (From the Middle Ages to the Modern Period)*. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 571–586 (in Russian).

Shchepkin V. N. *Viaz'. Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society)*, vol. 20. Moscow, 1904. pp. 57–80, Pl. XX–XIX–LV (in Russian).

Shchepkin V. N. *Russkaia paleografia (Russian Palaeography)*. Moscow, Nauka Publ., 1967. 224 p. (in Russian).

Shibaev M. A. From the History of Book Writing in the Kirillo-Belozersky Monastery in the Middle of the 15th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki (Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences)*, no. 3, 2018, pp. 36–42 (in Russian).

Shul'gina E. V. Balkan Ornament. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga (Old Russian Art. Handwritten book)*, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 240–264 (in Russian).

Simonova E. S.; Tsyppkin D. O. Aesthetics and Technology of the Early Modern Book in the Inventories of Old Russian Monastic Libraries. A Few Preliminary Remarks. *Natsional'naia biblioteka (National Library)*, no. 1 (22), 2023, pp. 50–54 (in Russian).

Sinit'syna N. V. Identification of Handwritings of Russian Manuscript Books of the Late 15th – First Half of the 16th Century and Its Difficulties. *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR (Problems of Palaeography and Codicology in the USSR)*. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 89–112 (in Russian).

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. (Dictionary of the Russian Language 11th–17th cc.). vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 352 p. (in Russian).

Tsyppkin D. O. The Stroganov ABC-Book of 1604 as a Source on Old Russian Art of Writing. *Actual Problems of Theory and History of Art*, vol. 6. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 800–814, 912. DOI: 10.18688/aa166-12-88 (in Russian).

Tsyppkin D. O. Old Russian Metnoye Pismo. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2019. no. 1, pp. 124–135. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.109 (in Russian).

Tsyppkin D. O. To the Question of the Registers of Old Russian Writing. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXII Mezhdunarodnoj konferencii (Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge. Materials of the 32th International Conference)*. Moscow, IVI RAN Publ., 2019, pp. 423–425 (in Russian).

Tsyppkin D. O. To the Question of the Beginning of the New Age in the History of Russian Writing: Some Preliminary Observations. *Avraamievskaja sedmitsa: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 11–13 sentiabria 2019 g. (Abrahamievskaja sedmitsa: Proceedings of the International Scientific Conference, 11–13 September 2019)*. Smolensk, Svitok Publ., 2020, pp. 204–222 (in Russian).

Tsyppkin D. O. On the Formation of the Aesthetics of Old Russian Cursive Writing (Manuscript f. 115, no. 160 from St. Petersburg Institute of History). *Actual Problems of Theory and History of Art*, vol. 11. St.

Petersburg, NP-Print Publ., 2021, pp. 907–924, 994. DOI: 10.18688/aa2111-11-74 (in Russian).

Tsyppkin D. O. Old Russian Calligraphy in the Context of Cognitive Transformations (Some Notes on Early Modern Monokondylia). *Actual Problems of Theory and History of Art*, vol. 12. St. Petersburg, SPGU Publ., 2022, pp. 688–704, 919. DOI: 10.18688/aa2212-08-55 (in Russian).

Tsyppkin D. O. The Stroganov ABC-Book of 1604: Old Russian Calligraphy at the Beginning of the Era of Printing. *Pol'za zelo velikaia: sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Andreia Vladimirovicha Voznesenskogo (Very Great Benefit: Collection of Articles in Honor of Andrei Voznesensky)*. St. Petersburg, RNB Publ., 2022, pp. 21–36 (in Russian).

Tsyppkin D. O.; Simonova E. S.; Shibaev M. A. Technological Peculiarities of Old Russian Books as Reflected in Early Modern Inventories of Monastic Libraries. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, iss. 4, pp. 1313–1328 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu02.2022.415

Zatsepina E. V. To the Question of the Origin of the Old Printed Ornament. *U istokov russkogo knigopechataniia (At the Origins of Russian Printing)*. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1959, pp. 101–154 (in Russian).

Zernova A. S. *Ornamentika knig moskovskoi pechati XVI–XVII vekov (Ornamentation of Moscow Printed Books of the 16th–17th Centuries)*. Moscow, GBL Publ., 1952. 84 p. (in Russian).

Zhivov V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti (History of the Language of Russian Writing)*, vol. 2. Moscow, Russian Foundation for Promotion of Education and Science Publ., 2017. 470 p. (in Russian).

Илл. 154. «Азбука фряская» 1604 г. Санкт-Петербург, СПбИИ РАН, ф. 115, оп. 1, № 160, л. 123 об.
Изображение двуглавого орла в орнаменте титульной заставки-рамки. Фото: СПбИИ РАН